

Лев Гудков

Миф о Сталине и проблема «стабильности» посттоталитарного режима (2004)

Сталин в общественном мнении. В марте 2001 года, отвечая на вопрос анкеты ежемесячного опроса общественного мнения: «А если бы И.В.Сталин сегодня был жив и избирался на пост президента страны, проголосовали бы Вы за него или нет?», 27% россиян сказали - «да», «нет» – 58%.¹ За десять лет до того, в 1991 году, на излете перестроечной антисталинской критики, почти никто не мог подумать, что Сталин сможет остаться в российской истории в каком-нибудь ином контексте, кроме описания массовых репрессиях, искусственного голода, вызванного коллективизацией, «чисток», национальной катастрофы 1941 года и т.п. Тогда менее 1% респондентов считали, что в будущем кто-то назовет его имя среди замечательных людей и выдающихся политиков в России или СССР.

Конечно, ситуация подобного массового опроса имеет чисто игровой характер. Сталина никто никогда никуда не выбирал. Он не был блестящим оратором, каким был Троцкий, или Ленин, или даже публичным политиком, завоевавшим внимание толпы силой слова или оригинальностью своих идей и убеждений. У него не была таланта военачальника или теоретика, идеолога, выдвигавшего новую идеологическую или политическую программу. На роль ведущего теоретика партии в конце 1920-х начале 1930-х годов выдвигались совершенно другие фигуры, например, Н.Бухарин. Его карьера, его путь к власти лежал через внутривнутрипартийную, внутрибюрократическую интригу. Сталин превосходил любого из своих конкурентов по руководству компартии в умении создавать различного рода аппаратные блоки, тактически комбинировать различные политические интересы, обеспечивая себе нужную поддержку, усиливая ее расстановкой на ключевые посты в партии и государственном аппарате лично лояльных ему или зависимых от него кадров, чтобы нейтрализовать своих противников и в конечном счете уничтожить саму возможность какой бы то ни было оппозиции, не смущаясь какими-либо моральными или человеческими соображениями. Его сила заключалась в терпении, поразительном цинизме, готовности эклектически смешивать и использовать любые идеи, если это обещало дать нужный эффект в нужное время, мстительности и свободе от каких-либо норм морали, принципов и убеждений, сдерживающих обычных политиков догматических соображений, личных связей или традиционных ограничений. В отличие от других вождей, ставших лидерами тоталитарных режимов – Муссолини, Гитлера, Кастро, Сталин не был харизматической фигурой в собственном смысле слова. Он не подходил под тот идеальный тип массового демагога, пророка, учителя или полководца, появляющихся в периоды крайнего духовного, социального или политического кризиса и предлагающего нетривиальные пути выхода из ситуации всеобщего бедствия. Он не открывал новые смысловые горизонты и не был способен инициировать или создать новую идеологию, религию и т.п. Если уж отталкиваться от концепции Макса Вебера, то Сталина следовало бы назвать «рутинизатором» постреволюционной эпохи.

¹ В основе статьи лежит доклад на конференции «Сталинизм: парабола мифа» (Мессина, 11-12 ноября 2004 года). Все приводимые здесь и далее данные получены в ходе систематических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (с 2004 года – Аналитическим центром Юрия Левады) по общенациональной российской репрезентативной выборке. Для настоящего издания текст дополнен данными опросов последних лет.

С точки зрения социологии, функции любого мифа, в особенности, мифа нового времени, заключаются в том, чтобы легитимировать установление соответствующего социального или культурного института через изложение истории «героев создания» этого института, изобретения «традиции», ритуала воспроизводства памяти о возникновении или формировании государства, учреждения, правовой нормы и т.п. Миф, в отличие от других систем легитимации, всегда дает сакрализацию лишь тех социальных форм, которые имитируют или замещают традиционные институты и установления. Миф как способ легитимации, как идеологическая санкция невозможен в сферах рационально-инструментального действия – экономике, науке, технологии, но он становится функционально неизбежным, когда усилия главных действующих лиц, исторических актеров направлены на обеспечение авторитета собственной власти, власти как таковой, не имеющей целевого и прагматического назначения, правовых границ, в этом смысле – неконтролируемого другими инстанциями, социальными группами или силами. Подобный тип авторитета в современных условиях выглядит откровенно примитивным, экстраординарным и не воспроизводимым в длительной перспективе. Поэтому миф всегда работает как механизм редукции к несовременным, архаическим формам.

Важнейшая функциональная роль мифа о Сталине (в советское время) заключалась в легитимации разрыва между а) миссионерско-революционистской коммунистической идеологией, и, соответственно, партией большевиков, захватившей власть, установившей оккупационный, военно-репрессивный режим тотального контроля над обществом, кардинальной реорганизацией основных его институтов, и б) стабилизацией нового социального порядка, превращения революционной диктатуры в империю, тоталитарную сверхдержаву, опирающейся на совершенно другие идеологемы – русского национализма, единства крови и почвы, превосходства русских над другими народами и т.п. в качестве законного права на господство, на центральное место в новом мировом порядке (соцлагере).

Сталинская легенда стала возможной только через несколько лет после того, как он установил полный контроль над партией. Только тогда из частных славословий придворных льстецов она превратилась в тотальную программу социализации всего общества. Хотя культ Сталина начал складываться еще в начале 1930-х годов, после разгрома внутрипартийной оппозиции в 1927 году, но полностью он оформился лишь после 1935 г., убийства Кирова и широкой компании разоблачения скрытых «внутренних врагов», «ленинградского дела», когда реальных оппонентов у Сталина уже не осталось. Разворачивавшийся Большой террор истребил не только следы какого бы то ни было инакомыслия в партии и государственном управлении, но и ту почву, на которой разногласия могло бы возникнуть. Отечественная война лишь закрепила этот ореол вождя, несмотря на все военные просчеты и личные слабости Сталина.

«Харизма» Сталина – это искусственно созданный авторитет непогрешимости вождя, вторичная, или «наведенная», по выражению Ю.А.Левады, институционально репродуцируемая, принудительная «вера» в сверхчеловеческие способности вождя найти оптимальное политическое решение во всех сложных или проблемных ситуациях в стране. Миф о великом Сталине – это продукт ведомственной работы, организованной тотальной пропаганды, контроля над информацией, длительного систематического террора, вытесняющих любые перспективы оценки и точки зрения на прошлое или современную действительность, кроме признанной официальной, единственно верной. Легенда Сталина могла существовать только благодаря постоянно воспроизводившемуся режиму хронической мобилизации и страха, мотивам внешней и внутренней угрозы, существованию страны в кольце врагов, требованиям ко всем гражданам страны подчинения самой жесткой дисциплины, самопожертвования, солидарности с партийным руководством любого уровня как силой, способной вывести страну из состояния перманентной войны и кризисов. Вне контекста крайнего кризиса и необходимости «рывка», «прорыва», предельного напряжения этот миф не мог работать (даже в

последующие периоды образ Сталина сохраняется только в сочетании семантики нарастающего кризиса и требований твердой руки, способной вывести страну из бедственного положения). Но «радикальность» роли вождя в ситуации бедствия и кризиса уравнивалась другим необходимым компонентом образа Сталина: все большим удельным весом в его мифологии Отца народа, образа или семантической конфигурации значений, которые создавали представление об обществе как органическом единстве, обществе как большой семье, объединенной общими интересами и обязанностями, чувствами родства. Соответственно, это парализовало любые попытки социально-групповой и институциональной автономизации, дифференциации, специализации различных функций и видов деятельности, устанавливало единый общий режим тотальной прозрачности всех сфер жизни для социального и идеологического контроля. Фасцинация этого «экстремального» состояния и функциональной необходимости вождя обеспечивались двумя моментами тоталитарной пропаганды: изоляцией «избыточной, ненужной и вредной информации» и безальтернативностью вождя, систематическим воспроизводством канонического образа всеми репродуктивными институтами тоталитарного режима – от детского сада и школы до армии, комсомола, искусства, кино, литературы, всей системой пропаганды и агитации, всем комплексом общественных и государственных организаций – от Академии наук до спортивных обществ.

Поэтому, возникнув, этот миф мог существовать только до тех пор, пока в нем была заинтересована удерживающая власть фракция номенклатуры, пока она его воспроизводила. Как только началась смертельная грызня за власть между его наследниками, миф стал умирать, сохранившись лишь в некоторых специфических сегментах политической культуры. Сам по себе, вне поддерживающих его институциональных структур, этот «миф» нежизнеспособен, он не обладает качествами воспроизводимости.

Таким образом, авторитет Сталина представлял собой довольно сложную смысловую композицию, фиксировавшую ключевые ценностные моменты массовой идентичности мобилизационного, закрытого и репрессивного общества-государства. Устранение уже после 1953 года, а особенно - с компанией разоблачения культа личности, инициированной Н.Хрущевым в 1956 году, из этой конфигурации значений и представлений собственно личностного компонента (сакрализованной роли самого Сталина) не затронуло структуры этих значений. Эти представления транслировались уже, не будучи привязанными к собственной персоне Сталина, а воспроизводились через весь контекст интерпретаций актуальных событий героического прошлого, легенды советского государства, ее важнейших моментов (войны, формирование сверхдержавы), с которой обязательно ассоциировалось и связывалось имя Сталина.

Мы можем говорить о четырех, по меньшей мере, этапах сталинского мифа:

1. Первая система образов и риторических клише сложились при жизни Сталина и существовали до его смерти. Ее элементами были - тезисы о всеведущем и непогрешимом вожде и учителе, продолжателе дела Ленина, создателе советского государства, наконец, гениальном полководце – победителе гитлеровской Германии в самой тяжелой из всех войн, которые когда-либо вело человечество, спасителе Отечества. Характерно, что всякие идеологические элементы теории марксизма или «научного коммунизма», вроде «классовой борьбы» и т.п. резко слабеют по мере укоренения легенды и затем практически уходят из мифологии Сталина (как, впрочем, и других фигур «рутинизаторов» на следующих исторических переломах – Брежнева, Андропова и т.п.). Сталинский миф представлял собой типичную композицию «полубожественного вождя», характерную для самых разных версий «политической религии» и тоталитарных идеологий, цементирующих режимы в период закрепления их системы господства. Вождь обретает свойства мудрости и всеведения, непогрешимости, учительства, а также - объявляется Отцом нации, задавая схемы восприятия и понимания реальности по модели общества как большой семьи. Он исчезает как публичная фигура из поля зрения

масс и становится доступен только в форме вторичных тиражируемых образов - визуального представления - явления народу или счастливым избранникам, коммунистической эпифании. Это плакаты, кинохроника, живописные парадные картины, литературные панегирики или сверхчеловеческие статуи, равно как и «изображения изображений» в кадрах соответствующих образно-символических ритуалов (кино, живопись, литература и проч.).

2. Вторая фаза отделена от первой довольно длительным промежутком, связанным с критикой культа личности Сталина Хрущевым на XX съезде и частичной десталинизацией, запретом на изображения и частые упоминания его роли в истории коммунистического строительства в СССР. Вторая фаза начинается с тихой реставрации Сталина при Брежнев, в особенности, после подавления советскими властями Пражской весны 1968 года. В значительной степени вторичный приход Сталина имеет внутривластьный характер: это форма легкой консервативной фронды по отношению как к высшему начальству, так и прошлым экспериментам и антисталинской политике Хрущева (связанной с ограничением роли КГБ, ослабления массовых репрессий, политики мирного сосуществования и т.п.). Это было временем вызревания номенклатурного национализма, расширения идеологии сверхдержавы, империи, блокового противостояния, вытеснивших остатки собственно марксистской, революционистской, миссионерской риторики, освобождения от всяких следов прежнего утопизма, идеализма социальной справедливости, равенства распределения и процветания для всех. Советская номенклатура нуждалась в стабильности, консервации сформировавшегося иерархического и закрытого общества, гарантированного от всяких экспериментов и потрясений. Гигантская империя перестала расти, миссионерство утратило свою привлекательность, а экспансионизм получил другой смысл – не подрывной, не идеологический, а технический или прагматический характер – создание сети поддержки, на первый план выходили задачи удержания уже достигнутого. В этой новой версии легитимации советского режима центральное место занимала война 1941-1945 гг. Поэтому основанием негласной реабилитации Сталина при Брежнев (так называемой «эпохе застоя»), ее символическим фокусом становится роль Сталина в качестве главнокомандующего во время второй мировой войны и превращения победы в этой войне в центральный символ и опорный момент национальной истории и массовой идентичности. Знаком этого стихийного движения в это время становится массовое появление портретов Сталина на лобовом стекле грузовиков, автобусов, имевших характер демонстрации против брежневской бюрократии, ее коррупции, бесконтрольности и неэффективности. Примерно с 1970 до 1986 год прекращена любая критика Сталина, любое упоминания о массовых репрессиях, чистках, искажениях генеральной линии партии или ошибках ее руководителей. Хотя никто не отменял постановления XX съезда КПСС о преодолении культа личности Сталина, все публичные выступления на эту тему становятся теперь невозможными. Клише изображения Сталина в этот период (почти исключительно это кинофильмы, иллюстрирующие парадную эпическую картину Второй мировой войны, так как она дана в версии советского генерального штаба, или еще более схематизированные образы в школьных учебниках) представляет собой Сталина в маршальском мундире при всех наградах в кремлевском кабинете, выслушивающего доклады военачальников о ходе военных операций во время Отечественной войны и отдающего тихим голосом те или иные не подлежащие обсуждению указания. Именно этот образ зафиксирован в коллективной памяти и идентичности и сохранится до сегодняшнего времени.

3. Третья фаза начинается с горбачевской «гласностью и перестройкой», возобновившей критику Сталина и сталинского режима середины 60-х годов, но не удержавшейся на этом и затронувшей сами основания коммунистической диктатуры. По существу, ее инициаторами были прозападные и стремящиеся к либерализации режима фракции номенклатуры, технической и гуманитарной бюрократии, ставшие социальной

опорой последующих реформ. Они же и воспроизвели довольно поверхностные стереотипы «Сталина» как главного злодея в обойме коммунистических партийных лидеров и бюрократов, параноидального политика, уничтожавшего людей в силу собственной маниакальной подозрительности, главаря банды уголовников, захвативших власть в ситуации ее развала в 1917 году и удерживающих ее ценой крови и массового разорения. При этом практически не были затронуты институциональные основания тоталитарной власти и характера ее массовой поддержки. Журнализм, примитивная публицистика с ее оценочностью, замещающей анализ и глубокое знание фактического материала, технологии власти и контроля, непонимание роли милитаризма, мобилизационной идеологии и организации общества и проч., привели к тому, что первоначальный интерес и захваченность общества этой тематикой очень скоро исчезла, а сама тема «разоблачений» этого рода быстро утратила массовый интерес. Уже в 1991 г. более 60% опрошенных заявили о том, что пресса, ТВ, уделяют этому слишком много внимания, что эта проблематика «надоела».

4. Четвертый период начинается в 1999 году, после самого тяжелого за постсоветские годы кризиса. Приход Путина к власти ознаменовался рядом его демонстративных жестов по отношению к прошлому: заявления подчеркнутого уважения к Сталину, к деятелям КГБ, восстановлением сталинского государственного гимна (и статуса знамени СССР, но только в качестве флага вооруженных сил России). Эти жесты очень понравились ностальгирующему по советскому прошлому обществу. Дело даже не в Сталине, мало кто хотел бы вернуться к тем временам (лучшим временем в истории России подавляющее большинство населения считают брежневский период «застоя», время относительной стабильности и предсказуемости жизни), дело в самих знаках высокой оценки того порядка, который разрушили «демократические реформаторы», массовом выражении негативного отношения к изменениям. Именно поэтому отмена Путиным принятого ранее российскими депутатами в 1990 году гимна на музыку «Патриотической песни» Ф.Глинки и возвращение сталинского гимна одобрили 60% опрошенных, (против были настроены лишь 28%). Путин стал реставратором символических связей с коммунистическим, сталинским прошлым, которые в свое время разорвал Б. Ельцин, провозгласив начало новой демократической России, свободной от тоталитаризма.

Посмотрим на характер распределения мнений о Сталине в российском обществе. За семь лет, с 1994 по 2001 годы, на периодически задаваемый в исследованиях общественного мнения вопрос «**Как Вы в целом относитесь к Сталину?**», доля положительных ответов увеличилась в полтора раза, с 26 до 39%, доля негативных («ненавистью», «страхом», «отвращением») осталась прежней – 44-45%.

Табл.1

Как бы Вы оценили роль Сталина в советской истории, истории нашей страны?

	1996	1998	2002	2003
В целом позитивно	31	19	53	53
В целом негативно	50	60	34	33
Затруднились ответить	19	21	13	14

(в % к числу опрошенных; N=1600)

Однако, при более внимательном отношении к данным массовых опросов, картина выглядит менее однозначной и понятной. Лично Сталин вызывает скорее неприязнь, но «позитивной» признается его «историческая роль» (на фоне медленной утраты к нему интереса). Дело не в реабилитации Сталина в массовом сознании. Почти три четверти россиян настаивают на том, что массовые репрессии 30-50-х годов были преступлениями против всего народа, не оправдываемые никакими политическими резонами.

Табл.2

Как Вы в целом относитесь к И. Сталину?

	2001 апрель	2006 Апрель
С восхищением	4	5
С уважением	27	23
С симпатией	7	8
Безразлично	12	19
С неприязнью, раздражением	18	18
Со страхом	16	15
С отвращением, ненавистью	9	5
Затруднились ответить	6	8
Соотношение позитивных и негативных оценок	0.9	0.9

(в % к числу опрошенных; N=1600)

Для аналитика возникает в этой связи вопрос, кто и в какой степени разделяет эти мифологические представления, какой функциональный смысл они имеют? Неоднородность отношения к Сталину (популярность-отвращение) указывает на существование в обществе сегментов с разной политической культурой, моралью, информационными горизонтами, антропологическими представлениями. Поэтому отношение к Сталину (или мифология вождя) может служить своего рода индикатором гетерогенности общества, степени модернизованности его.

Половину из тех, кто был готов продемонстрировать свои сталинские симпатии в упомянутом выше социологическом опросе 2001 г., составляют пожилые люди, пенсионеры, ностальгически вспоминающих о своей молодости. Положительное отношение к Сталину выросло главным образом за счет группы индифферентных – «болота», представляющих опору нынешнего режима Путина, постепенно перерастающего не столько в авторитарное, сколько в коррумпированное полицейское государство. После того, как Путин стал президентом, число тех, кто позитивно оценивал роль Сталина в истории России и СССР, выросло с 19% до 53% и удерживается сегодня на том же уровне, соответственно, доля «антисталинистов» упала с 50-60% до 33%.

Распределение же отдельных составляющих, образующих общее мнение о Сталине, меняется не так существенно. Приведу лишь две точки замеров, 1998 г., непосредственно перед кризисом 1998 года и 2007 г., конец периода путинской стабилизации.

Табл.3

В ДЕКАБРЕ ЭТОГО ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ ОЧЕРЕДНАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА. С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ О СТАЛИНЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ?

Варианты суждений	1999	2003	2005	2007
Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	32	27	29	29
какие бы ошибки и пороки ни приписывались	32	36	32	28

Сталину, самое важное — что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной Войне				
политика Сталина (разгром военных кадров, сговор с Гитлером) привела к тому, что страна оказалась неподготовленной к войне	18	18	18	17
только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в тех условиях острой классовой борьбы, внешней угрозы	21	20	22	15
Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	20	20	21	14
наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа как Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок	18	16	15	9
Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства	5	6	4	4
мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях	30	27	35	30
Затруднились ответить	8	6	5	9
Соотношение апологетических и осуждающих высказываний	0.52	0.46	0.50	0.66

в % к числу опрошенных, N=1600; сумма превышает 100%, так как опрошенные могли дать несколько вариантов ответа; ранжировано по 2007 году

Некоторое снижение внимания к Сталину в путинский период (возможно, объясняемое демографическими факторами – увеличением доли молодых, более равнодушных к мифу Сталина) сопровождалось изменением удельного веса апологетических высказываний о Сталине. Дело не в самом Путине, он оказался лишь персонификацией, ярлыком для тех массовых неотрадиционалистских настроений и ожиданий нового вождя, «твердой руки», которые возникли в тех слоях и группах населения, довольно значительных по своим размерам, проигравших в результате идущих в России социальных и экономических изменений. Символически эти настроения выражались в росте массовой значимости фигуры Сталина. Если на просьбу социологов назвать «самых выдающихся людей, общественных и культурных деятелей, оказавших наиболее значительное влияние на мировую историю», в 1989 г. Сталина назвали 12% (он занял 10 место в этом списке), то уже в 1994 он поднялся на 4 место, его назвали в этом качестве уже 20% опрошенных, а в 1999 - 35% (хотя сам ранг упоминаний не изменился). Первые места в этой лестнице массовой славы занимали поочередно Ленин и царь Петр I, затем шел национальный символ культуры – поэт А.Пушкин. Дальнейшие места в этой иерархии опрошенные отдавали полководцам, своим отечественным и зарубежным. В аналогичном исследовании 2000 года, касающимся звезд мировой

политики в XX веке, Сталин стоял уже на втором месте: Ленин – (его назвали 65% опрошенных), затем - Сталин (51%), Гитлер (51%), Горбачев (42%), далее шли с резким снижением частоты упоминаний – Ельцин, Хрущев, Мао Цзе-Дун, Черчилль, Кеннеди, М.Тэтчер и другие. Нетрудно заметить, что массовое сознание выделяет и ценит, прежде всего, стереотипные черты лидеров авторитарно-диктаторского типа, либо таких деятелей, роль которых оно интерпретирует по шаблону авторитарных реформаторов, поднявших статус и престиж своих стран. Оценивая вождистские свойства Сталина, его роль «создателя сверхдержавы» россияне не обращают внимания на его личные человеческие и моральные качества. Тем самым происходит символическая и психологическая защита сверхценного персонажа, разгрузка его от ответственности за негативные стороны его деятельности. И это именно то, в чем больше всего нуждалась путинское руководство. Это именно тот механизм, который снижает значимость всех обвинений в адрес Сталина, «обезвреживает» резкую, но поверхностную критику Сталина, идущую еще от доклада Хрущева на XX съезда КПСС. Самая простая реакция в этом роде – дисквалифицировать либо сами обвинения, либо – обвиняющих. С тем, что «сталинские репрессии» - это «выдумка, имеющая целью опорочить великого вождя» согласились 16% россиян (1996 г.). На вопрос: «Согласны ли вы с тем, что масштабы репрессий во времена Сталина сильно преувеличены?», утвердительно отвечали около трети всех опрошенных (1996 г., 29-33%), не соглашались с этим – около половины (43-49%). Это один вариант реакции защиты. Другой – сказать, что репрессии были связаны с «чистками» в партии и касались либо в основном политических «верхов» (14%), либо «действительных врагов народа» (10%).

Проблематика разоблачений преступлений Сталина была актуальна лишь в контексте перестройки и компании де-легитимации старой советской номенклатуры. С началом гайдаровских реформ фигура Сталина ушла на второй план. Критика сталинизма прекратилась, превратившись в общее место прежней риторики, о котором стараются не вспоминать. Сталинизм, или, точнее, политика Сталина стали предметом занятий очень немногих специалистов-историков.

Однако утрата интереса к этой тематике не изменила саму структуру стереотипов оценок и восприятия фигуры Сталина. В 1990-е годы возникла довольно обширная массовая тривиальная литература о нем, его привычках и вкусах, его окружении и любовницах, где Сталин подан то как национальный гений и вождь, спасающий Россию от фашизма или иностранного влияния, в том числе - еврейского заговора, или, напротив, в качестве тайного маньяка, конспиратора, одержимого идеей тотального могущества и личной власти, инициатора тайных интриг и проч. Эта литература могла быть апологетической, разоблачительной или развлекательной, но в любом случае масштабы распространения подобной продукции были весьма невелики: они ограничены периферийной в социальном и культурном плане средой, в которой доживают остатки прежних мифов. Если говорить о характере этой работы с прошлым, то его следовало бы назвать не процессом «расколдовывания» в духе Вебера, а процессом банализации, поскольку интеллектуальная или культурная элита не подключается к подобной деятельности. В лучшем случае можно говорить о превращении данной темы в материал анекдотического снижения, как это делает «соц-арт» (например, в картинах Комара и Меламида «Сталин и музы», изображающих явление античных муз товарищу Сталину или пионерку, мастурбирующую под портретом Сталина, и т.п.), или подачу фигуры Сталина В.Сорокиным в романе «Голубое сало» и «Лед». Однако подобное эстетическое остранение лишено моральной оценки феномена Сталина и связанного с ним прошлого. Уничтожая пафосность прежнего мифа, оно разъедает как ржавчина и любые ценностные основания, не затрагивая всерьез мифологические представления о вожде (как положительные, так и отрицательные).

Миф Сталина сегодня не существует в качестве единого смыслового целого, вроде законченного агиографического текста, вроде «жития святых», воспроизводимого всегда и

всюду при любых обстоятельствах. Скорее это набор смысловых клише, композиция которых меняется в зависимости от того, в каком контексте и кем они актуализируются. Всякий раз в разных ситуациях мы будем иметь дело с разным «Сталиным», возникающим в качестве дополнения к другим идеологическим представлениям – войне, революции, возвышение СССР как супердержавы и ее крах, кризис постсоветского времени. Непременные атрибуты образов Сталина, более важные, чем он сам, - это различные идеологемы «враги», это - террор и репрессии, это - персонификация социальных и политических отношений, свидетельствующая о слабости гражданского общества или невозможности в нем универалистских отношений, потребности в персоналистической форме репрезентации безличных институтов (государства, права, политических и экономических сил и процессов).

Не прожитое прошлое (тоталитарный режим, не подвергнутый моральной оценки и интеллектуальному, теоретическому анализу и адекватному объяснению) влечет за собой сопротивление модернизации страны, принятию демократических ценностей, защиты прав и свободы человека. Тем самым сохраняются предпосылки для воспроизводства патернализма и зависимости от государства как доминирующего типа отношения к бесконтрольной власти, симптоматикой которого и является сегодня возвращение мифа о «великом Сталине». Чего больше в этом – общественной аморальности, цинизма или национального слабоумия – предстоит еще разобрать, но последствия этого оказываются очень тяжелыми.

Путинские контрреформы остановили процесс рационализации опыта государственного насилия. После чего наступила не просто фаза тягостного молчания, умалчивания прошлого, остающегося темным или слепым пятном в массовом сознании, а, напротив, принята стратегия вытеснения истории, стерилизация прошлого.²

Усиливающийся контроль российских властей над прошлым (усилия по введению новых единых учебников, критика неправильных учебников, например, учебника И.И.Долуцкого, появление единых и одобренных сверху пособий) свидетельствует о дефиците легитимности системы, особенно ощутимой в ситуации отсутствия механизмов передачи власти. Авторитаризм как тип социально-политических систем нуждается в традиционализме. С ним связан выбор повседневных жизненных стратегий, характерный для массового адаптации к изменениям – пассивное выживание, а не соучастие в политике, не солидарная активность гражданского общества. Единственная модель изменений, к которой возвращается российское общество, это – приход нового лидера, надежды на «доброе царя и отца народ». Разочарование в реформах делает почти обязательным приход авторитарного лидера, поскольку неверие в то, что жизнь может быть устроена иначе, чем в советском обществе, парализует всякое политическое действие, свидетельством чего может служить практическое упразднение российского парламентаризма и многопартийности. Речь не идет о массовом энтузиазме, новой

² Наиболее откровенно об этом высказался Л.Поляков, поставленный властью направлять формирование образа «счастливого прошлого» в школьных учебниках. «Цель преподавания истории в школе – понимающее забвение». Главные задачи школьной истории – это «вертикальная и горизонтальная интеграция» и создание образа «оптимистической истории», снятие чувства вины у молодежи за преступления «предков», совершенные в прошлом, «освобождение от обостренного внимания к большой памяти», «создания коллективной вины», препятствующей строительству нации. (Выступление на немецко-российском семинаре «Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью», организованный Фондом Фридриха Наумана в Москве 19 июня 2008 г.). Цинизм этой позиция, если слово «позиция» подходит к высказываниям Л.Полякова, представляет собой вульгаризированный вариант легенды о Великом Инквизиторе Достоевского, не претендующий, правда, на убедительность. Но в целом нельзя не признать экстравагантности зигзагов российской интеллигенции, возгласившей когда «Никто не забыт, ничто не забыто!», читавшей айтматовский роман о манкуртах и кончившей тихим приспособлением к новой власти, о которой так пекутся люди, вроде названного Л.Полякова или его соавторов и соратников - А.Филипова, В.Глазычева и другие.

идеологии, милитаризм, которые сопровождают установление тоталитарных режимов, этого нет и, видимо, уже не может быть. Но де-историзация массового сознания и сохранение образа мудрой, стоящей над обществом власти, не предполагающей каких-либо механизмов контроля над собой, соответственно, свободной от ответственности, способствует воспроизводству патернализма. Сопутствующими феноменами этой политики можно считать подавление открытой репрезентации и конкуренции групп и институтов, политических сил (утверждение образа общества как семьи), с одной стороны, и девальвация частного, специфического существования, автономных ценностей любой подсистемы общества, насаждение социал-органицистской или имперской картины реальности.

Проблема стабильности посттоталитарного авторитаризма. Сегодня гигантские доходы от экспорта энергетического сырья контролируются небольшой группой монополистов, тесно связанных с администрацией президента и правительства. Можно сказать, что возник совершенно необычный тройственный союз отраслевых монополистов, молодых и прагматически мыслящих выходцев из бывшей советской номенклатуры и спецслужб. Их объединение позволяет удерживать страну от процессов разложения и дезинтеграции прежней системы, но блокирует какие-либо возможности ее вестернизации и модернизации. Острое разочарование либеральных групп в характере развития посткоммунистической России (вызванное среди прочего и явными иллюзиями относительно потенциала либерализации тоталитарного общества и государства) оборачивается поспешными утверждениями в том, что установившийся полуавторитарный режим Путина обречен на сверхстабильность и длительное существование. Высокий рейтинг доверия к Путину (не опускающийся уже несколько лет года ниже отметки в 75% при выраженном массовом недоверии к институциональной системе, к правительству, парламенту, политическим партиям, суду, полиции, ведущим экономическим институтам и т.п., то есть к любым формам социально-политической организации, кроме органов монополизированной силы и принуждения – ФСБ и армии) провоцирует ряд российских политологов утверждать, что мы имеем дело в данном случае с феноменами новой «народной монархии», сверхстабильной, неуязвимой для критики или политических конкурентов.

Я не разделяю подобных пессимистических оценок, но должен признаться, что теоретическая проблема изучения путей выхода из тоталитарных режимов остается слабо разработанной. В какой степени мы можем говорить о стабильности тоталитарных или посттоталитарных обществ? Был ли сталинский СССР стабильным обществом, можно ли назвать поздний советскую систему или постсоветскую систему стабильными?

На мой взгляд, сталинский режим, особенно в его поздние годы, не был устойчив. Его конститутивным элементом был институт террора, соответственно, он требовал постоянной смены кадрового состава элиты, периодического устранения высших и средних руководителей, насаждал атмосферу мобилизационного общества, страха, поиска врагов, что неизбежно снижало общий уровень продуктивности и усиливало изоляционизм общества от внешнего мира, обрекало режим на стагнацию и рост внутренних напряжений. Естественно, что корпоративный бюрократический инстинкт номенклатуры требовал устранения самого Сталина (на этот счет имеются различные версии, схожие с заговором против Гитлера или других диктаторов).

Известно, что Лаврентий Берия, одна из самых страшных и влиятельных фигур в советской истории, руководитель всех репрессивных структур в СССР, был одновременно и сторонником самой широкой и последовательной либерализации экономики и политики, как внутренней, социальной, так и внешней (ликвидация колхозов, проведение некоторых рыночных реформ, ликвидации ГУЛАГа, амнистии и т.п., а во внешней политике – одновременного роспуска военных блоков, объединение Германии, отказ от конфронтационной политики холодной войны и от поддержки промосковских режимов в странах Восточной Европы и проч.). Его ликвидация в 1953

году отчасти была продиктована именно этим противоречивым комплексом мотивов и интересов: с одной стороны, страхом перед угрозой уничтожения его возможных соперников. С другой - сопротивлением этому антисталинскому курсу его соратников по Политбюро (тех же конкурентов за власть). Но в любом случае это, как и политика его противника Н.Хрущева, не свидетельствует об устойчивости сталинской системы.³ Распад тоталитарной системы совсем не обязательно должен иметь своим результатом вестернизацию общества и создание демократических или рыночных институтов по образцу европейских стран. Скорее такой вариант представляется исключением из общих правил. Если тоталитарный режим возник как реакция на процессы технологической или политической модернизации, то его распад скорее всего приведет к приостановке модернизационных процессов и к наступлению состояния хронической социально-политической нестабильности (как это было в Афганистане), быстро развивающемуся регрессивному фундаментализму и традиционализму, либо к появлению нового авторитарного режима, опирающегося на ситуативную или случайную композицию социальных сил или корпоративных интересов (военных, отраслевых, конфессиональных и т.п.), подкрепленного идеологией антизападничества или какой-то местной версией «особого» (религиозного или светского, национального) социализма и т.п. Во всяком случае, едва ли можно говорить о стабильном развитии такого общества. Единственными примерами успешного решения подобных проблем (выхода из тоталитарных систем господства и организации общества) можно считать практику денацификации в Германии, инициированную США и проводимую под непосредственным контролем американской администрации, а также – аналогичные программы в Японии, в меньшей степени - в Италии.

Перед Германией после поражения стояли три равнозначные задачи, без решения которых будущее ее развития было невозможным: *изменение институциональной системы, поиск и формирование новой национальной идентичности и создание эффективной экономики*. Ни одна из этих проблем не могла быть решена по отдельности. Но их решение упиралось в отсутствие каких-либо выраженных массовых движений, социальной поддержки населения. Безусловно, были и другие позитивные условия, такие как немецкая антифашистская эмиграция или латентная оппозиция нацизму, но серьезной роли в процессах трансформации они сыграть не могли, хотя в качестве дополнительных факторов они были очень значимыми. Решающее значение имела, прежде всего, такая вещь, как легитимность принуждения (военно-административного контроля) к изменениям или его отсутствие в случае внутреннего разложения режима. Неочевидность для немецкого населения ценностно-правовых оснований осуждения действий сотен тысяч человек в их недавнем прошлом могла быть снята лишь постоянным, длящимся в течении десятилетий предъявлением общественному мнению фактов бесчеловечной практики национал-социалистического режима. При явном психологическом сопротивлении этому населению успех такой политики мог быть задан лишь внешним установлением соответствующих институтов и обеспечением их первоначального функционирования. Речь поэтому шла о медленном расширении зоны ответственности общества за преступления своих членов, за молчаливое одобрение или пассивное

³ «Стабильной правомерно считать общественную систему, способную к воспроизводству, саморазвитию, сопротивлению разрушительным воздействиям, преемственности и обновлению человеческого потенциала властных и других институтов. Как известно, неспособность советской системы к исполнению таких функций оказалась фатальной для нее. Но и нынешнему положению вещей нельзя приписать пока никакие из перечисленных характеристик стабильности. Так, и сегодня конституционно закрепленный механизм ротации и передачи власти фактически работает по давнему советскому образцу: власть имущие выдвигают, народ одобряет. Раньше выдвигала партийно-государственная верхушка, казавшаяся незыблемой, сегодня – верхушка аппарата, которую трудно считать стабильной». – Ю.Левада. Мониторинг общественного мнения, 2003, №1.

соучастие (отказ от участия) населения в акциях террора, массовых репрессиях и практике уничтожения. Только при этих условиях общественное мнение Западной Германии постепенно перешло от полной моральной и социальной астении после поражения и глухого отрицания фактов геноцида и военных преступлений к их частичному, а затем и полному признанию. Это стало возможным лишь с публичным прояснением масштабов катастрофы, в первую очередь - холокоста, уничтожения гражданского населения захваченных стран и т.п.

Противоречия и трудности перевода физического принуждения побежденных победителями в необходимость осознания своей вины и признания ответственности множеством людей, пассивно поддерживавших нацистский режим и непосредственно не участвовавших в его преступлениях, сомнительные проблемы коллективной вины немцев, сомнительные возможности практической реализации этих морально-правовых императивов, как и множество других подобных социальных антиномий могли быть сняты (в какой-то мере) только с институционализацией самой проблемы и способов ее решения, перекрывающей сложности межпоколенческой передачи опыта, норм и ценностей, определяющих повседневные и более высокие формы регуляции поведения и отношений между людьми. Конечно, одновременно возник и характерный феномен повседневной индивидуальной защиты, более того - массового внутреннего сопротивления против расширения зоны моральной ответственности немцев - виновны только нацисты, Гитлер и его окружение, мы ничего не знали, как можно осуждать весь народ за дела кучки маньяков и преступников, и проч., и проч., что очень хорошо знакомо российскому наблюдателю за последние годы. Надо только изменить имя «Гитлер» на «Сталина» или компартию, советскую власть, а так внешне все будет повторяться один к одному. Нейтрализовать эту внутреннюю блокаду сознания можно было только одним способом: снять моральную и юридическую защиту с функциональных образований, с государственных институтов, составляющих основу самого режима - вермахта, суда и всей системы юстиции, полиции, промышленности (прежде всего - крупной), науки, системы образования, особенно - высшего, германских университетов, профессуры, журналистики и книгоиздания, искусства и т.п. Поэтому, как не печально это (особенно для веры в высокое достоинство человека и его способности сопротивления злу), но без принудительного закрепления подобных травмирующих национальное самосознание истин в практической деятельности различных институтов сама по себе этическая, публицистическая или теоретическая мысль, вероятно, не только не развивалась бы, но даже и не возникала, как это показывает опыт ГДР - страны, пережившей две эпохи с разными формами тоталитаризма и до сих пор не могущей оправиться от этого опыта.

Военное поражение нацистского или фашистского типов тоталитаризма повлекло за собой не просто оккупацию, а реализацию очень широкой и многоплановой социально-политической программы трансформации институциональной структуры государства и общества в этих странах, проходившей под «зонтиком» длительного, многолетнего военно-административного контроля западных держав. Разработка и реализация этой программы, в которой участвовали многие авторитетнейшие социальные ученые, может считаться крупнейшим успехом западной социальной мысли. Программа денацификации, о которой нынешние немцы не очень охотно говорят, предполагала несколько важнейших социально-политических шагов, направленных на то, чтобы сделать невозможным процесс социокультурного воспроизводства прежних отношений: а) первоначально административное, затем юридически оформленное оттеснение прежних нацистских кадров от собственно государственного управления, запрет на занятие соответствующих позиций в органах исполнительной власти и возможность выборов в структуры законодательной власти (а также - суда, в меньшей степени - армии, полиции и еще некоторых ключевых институтов); б) недопущение их к репродуктивным системам общества - прежде всего к преподаванию в высшей и средней школе и механизмам

формирования общественного мнения (прежде всего - к СМИ), ограничения влияния на культуру, литературу, искусство и т.п.; в) практика осуждения и уголовного преследования нацистских преступников, прежде всего – идеологов нацизма и функционеров высшего и среднего ранга, цепь международных, а затем и собственно германских трибуналов и судебных процессов разного уровня, установивших - первоначально внешним и принудительным образом - морально-правовую ответственность за участие в преступлениях тоталитарных режимов, внутренне с трудом принимавшуюся и усваиваемую населением.

Адаптация к условиям существования в тоталитарном обществе (ее без альтернативность, ибо вопрос для массы населения мог стоять только одним образом: приспособление и выживание или невыживание) означала привыкание к будничному моральному релятивизму, усталость, равнодушие и одиночество, отсутствие какой-либо солидарности и ответственности, снижение запросов (любых, в том числе и оценки социально другого) как способ самосохранения. Слабая попытка повторения Нюрнбергского трибунала в виде суда над КПСС в начале 90-х годов, когда еще демократы были у власти, выглядела раздражающе беспомощной. Ходульная риторика этих акций, равно как и антисталинская критика в перестроечные годы, имела мало общего с этической проблематикой «принуждения к работе с прошлым». О нереалистичности этой затеи свидетельствовало массовое раздражение против ее организаторов, нежелание «новых репрессий» («хватит охоты на ведьм», «хватит политических процессов», «хватит говорить о Сталине и Гулаге»). Но без этого, как оказалось, даже после запрета КПСС и ликвидации самого института номенклатуры, все основные институциональные структуры советского типа и их кадры остались незатронутыми, будь-то суд, наука, образование, аппарат госуправления или армия. Корпоративные интересы этих групп (как и населения в целом) блокировали какие-либо возможности рационализации и переоценки советского прошлого.

В странах Восточной Европы и Балтии роль фактора принуждения сыграла память о репрессиях и насилии, совершенном СССР в отношении них, ненависть к Москве, заставшая их элиту (в том числе и бывшую советскую номенклатуру) искать защиту у Запада, вести чистки государственных структур от чекистов и кбешников, проводить, пусть и в ослабленном виде, но по сути ту же политику, что и оккупационные власти в Германии (или федеральные власти ФРГ в ГДР, после объединения). Учитывая сравнительно небольшие размеры этих стран, внешнего влияния со стороны ЕС или других институтов будет достаточным для успешной трансформации этих обществ.

В России нерешенность ни одной из рассматриваемых проблем переходного периода не означает опасности возврата общества к советским временам, хотя символы коммунистического прошлого (равно как и дореволюционной, царской России) активно используются самыми разнообразными политическими демагогами. Однако она свидетельствует о внутренней непрочности нынешней системы власти, слишком сильно зависящей от ситуативного соотношения сил внутри латентных группировок в верхнем эшелоне власти, не имеющих институционального оформления, а потому весьма неустойчивых.

Опубликовано: La memoria di Stalin nella Russia post-sovietica // Lo stalinismo: parabola di un mito. A cura di S.Fedele e P. Fornaro. Messina, Rubettino. 2006, p.139-154. По русски: Миф о Сталине и проблема «стабильности» посттоталитарного режима // Гудков Л.Абортивная модернизация. М., РОССПЭН, 2012.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.